

Ж И З Н Ъ

Архимандрита Никодима Казанцева-

(Продолженіе).

Мое учение въ Виѳанской Семинаріи.

Представить меня въ Семинарію взялась матушка, почтывая себя умяѣе батюшки или изъ особенной любви ко мнѣ. Мы пошли съ нею пѣшкомъ. Это отъ бѣдности и для сбереженія лишнихъ грошей для меня-же въ Семинаріи. Въ Рузѣ мы зашли къ дѣдушкѣ Борису Гавриловичу, матушкиному отцу. Дѣдушка меня благословилъ образомъ Трехъ Святителей: это примѣчательно. Именно: Св. Златоустъ—ораторъ, Василій Великій—философъ, Григорій—Богословъ. Весьма кстати для Семинаріи. А дѣдушка вѣрно такъ сдѣлалъ по случаю, приготовленному, какъ вѣрю, Промысломъ Божиимъ ¹⁾.

Каждая новостей въ пути и новостей въ наукѣ, я шель безъ грусти, даже съ охотою. На пути заходили въ Саввинъ монастырь, гдѣ я помолился горячо и прощался съ святынею, будто скорбя. Такъ привычка дѣлаеть все роднымъ: такъ сладко воспоминаніе и скорбей прошедших!

Къ Москвѣ мы приблизились утромъ въ прекрасный день. Отъ села Хорошова (за 7 версть) было видно Москву. Я былъ въ восхищеніи, взглянувъ въ первый разъ на безконечный городъ. Спѣшимъ бѣжать въ Москву. До сего я зналъ только два города: Рузу и Звенигородъ. Это деревни

¹⁾ На этотъ разъ у дѣдушки въ его домашней молельнѣ стоялъ этотъ образъ Трехъ Святителей.

противъ Москвы. Входимъ въ Тверскую заставу; я въ изумленіи: улицы вымощены камнемъ, я не видывалъ сего, не смѣю и идти по нимъ. Дома все каменные, огромные, мнѣ казались каждый—будто дворець.

Наше пристанище въ Москвѣ должно было быть въ Новой Слободѣ у діакона Николая Борисовича, матушкина брата. Надобно было тотчасъ повернуть на лѣво, съ великолѣпной Тверской улицы. Мнѣ было это скучно. Я упросилъ матушку пройти въ Кремль; добрая матушка согласилась не смотря на то, что наши ноги были изломаны путешествіемъ. А притомъ въ Москвѣ ходьба по камнямъ и здоровыми ногами очень чувствительна. Мы были въ Кремлѣ и, кажется, въ соборахъ—у вечерни. Я былъ постоянно въ неизъяснимомъ восторгѣ, не вѣрилъ своимъ глазамъ: такъ поразило меня великолѣпіе Москвы. Здѣсь припоминаю особенно одно приключеніе: на Тверской, противъ дома Разумовскаго, я видѣлъ драку трубочистовъ съ будочниками. Злодѣи будочники! какъ они били безчеловѣчно трубочиста. Съ маху грянули головою на каменную мостовую, терзали лежащаго; у него потекла кровь изъ разбитой головы. И его же еще, какъ мертвую кладь, взвалили на извозчика и сѣли на него же. Ей, мы съ матушкой наплакались.

Пришли къ дядюшкѣ. Онъ насъ принялъ ласково. Матушкѣ давалъ наставленія (не помню какія), далъ письмо къ эконому Семинаріи. Изъ Москвы мы отправились на другой день. Здѣсь у заставы мы могли бы за рубль нанять лошадь. Матушка не сумѣла, а я еще больше. Пошли опять пѣшкомъ. На дорогѣ у матушки страшно разболѣлись зубы; мнѣ ее было весьма жаль.

Подходя къ селу Рахманову (19 верстъ отъ Посада) со мной случилась почти бѣда: я отъ матушки отсталъ, зашавлившись по дорогѣ. Матушка заговорила съ какими-то спутниками и не оглянется назадъ. Идутъ навстрѣчу чело-вѣкъ десять солдатъ. Завидѣли, что я ихъ пугаюсь. Подбѣжали ко мнѣ и потребовали денегъ. Со мной точно было 5 рублей серебромъ. По счастью, они были зашиты въ карманѣ, что въ жилетѣ. Не знаю, ощупали они или нѣтъ, только деньги сохранились. Меня отпустили. И догналъ матушку и рассказалъ ей: она наплакалась досыта.

Отъ Рахманова мы пошли въ Хотьковъ монастырь. Здѣсь

во храмѣ почиваютъ подъ спудомъ въ схимонашествѣ бывшіе родители Угодника Божія Преподобнаго Сергія Радонежскаго—Кириллъ и Марія. Монастырь этотъ—женскій, для меня въ то время едвали не первое явленіе. Богомольцы, идущіе на поклоненіе Преподобному Сергію, имѣютъ правило: сперва зайти и поклониться его родителямъ. Такъ сдѣлала и матушка. Я былъ самъ доволенъ по охотѣ къ новизнѣ. Дѣвушки въ черныхъ рясахъ тронули мое еще невинное сердце. Я ихъ полюбилъ и съ какою-то о нихъ жалостію. Такъ, дѣвство точно иго и бремя, которое не всѣмъ по силамъ. Это мы всѣ узнаемъ, когда приходимъ въ полный возрастъ.

Изъ Хотькова мы вышли передъ вечеромъ. Матушкѣ напались сотоварки—двѣ монахини, шедшія, какъ и мы, въ Лавру. Одна изъ нихъ уже среднихъ лѣтъ женщина, даже, кажется, и постарше; другая дѣвица еще не старая, полагаю, лѣтъ 20-ти. Онѣ шли и безпрестанно говорили. Я совѣстился ихъ слушать: шоль поодаль. Послѣ мнѣ матушка рассказала, что сіи благочестивыя монахини уговорили ее не сокрушаться о дочеряхъ (которыя тогда были дѣвицы), надѣяться на Бога и ожидать помощи отъ сына, указывая на меня. Удивительно, онѣ сказали отчасти правду. Старшая сестра вышла безъ моего содѣйствія (я тогда былъ еще въ Реторикѣ), но обѣ младшія сестры почти однимъ мною выданы и обѣ за священниковъ. А и отъ старшей сестры дочь я же выдалъ за священника.

Еще удивительно: матушка и доселѣ ихъ не видала. Старшая монахиня ей рассказала свою исторію: она изъ Вологды дочь священника иль дьячка. Просилась у родителей въ монастырь; ее не пускали. Она ушла украдкою и изъ Вологды пришла въ Хотьковъ пѣшкомъ, съ однимъ грошемъ, будучи 12 иль 13 лѣтъ. А съ тѣхъ поръ 16 лѣтъ живетъ въ монастырѣ.

Стали подходить къ Посаду. Сперва изъ-за лѣсу показалась огромнѣйшая колокольня Лавры, потомъ Успенскаго собора огромная золотая глава, а тамъ и вся Лавра. У меня закипѣло сердце; поразительное для меня зрѣлище. Я воображалъ себя на иной—святой землѣ. Это былъ уже вечеръ; въ Посадъ мы пришли ночью. Ночевали на постояломъ дворѣ, близъ Пятницкой церкви, противъ Пафнутіева

сада. Этого дома давно нѣтъ; онъ разобранъ до основанія, тутъ потомъ былъ огородъ, а теперь дорога.

Я не зналъ, какъ дожидаться дня. Ужасно хотѣлось быть въ Лаврѣ, увидѣть и поклониться святынь. Досадовалъ, что наше окошко на квартирѣ было не къ Лаврѣ. Наконецъ разсвѣло. И мы съ матушкой пошли въ Лавру. Тутъ я молился съ жаромъ и просилъ себѣ покровительства отъ Угодника Божія Преподобнаго Сергія. Молитвы мои и матушкины были услышаны. 12 лѣтъ я былъ подъ покровомъ отца нашего Сергія (8 лѣтъ въ Семинаріи и 4 года въ Академіи). Насытилось и око мое зрѣніемъ сокровищъ и великолѣпія св. Лавры.

Помолясь Богу, наконецъ, мы пошли въ Виѳанію—конецъ нашего путешествія. Тутъ я пригорюнился. Воображаю себя на чужой далекой сторонѣ. Начальство, учителя, товарищи, сторожа, все новое, вовсе неизвѣстное. Какъ жить. Въ слободкѣ мы наняли квартиру. Матушка пожила со мною два дня и отправилась обратно домой, предавъ меня милосердію Божію. Она просила обо мнѣ эконома Семинаріи. Онъ ей сказалъ: „скажи сыну, чтобъ учился хорошо: тогда ему дано будетъ отъ казны все. Его полюбятъ начальники и учителя“. Матушка ему въ ноги, тотъ стыдится и уговариваетъ ее.

Послѣ матушка нашла и обоихъ Ректоровъ (Веніамина, уже собиравшагося въ Уфу, и Никанора, новоопредѣленнаго). Оба ее успокаивали и говорили, чтобъ надѣялась на Бога и на начальниковъ, а сына учила—учиться прилежно и жить честно.

Матушка мнѣ оставила пять рублей серебромъ. Я прожилъ на квартирѣ двѣ недѣли и—ужаснулся: деньги прожилъ почти всѣ. Слава Богу! меня приняли въ Семинарію на полукоштъ.

Въ день, назначенный для прокламаціи (т. е. для объявленія ученикамъ: кто переводится изъ класса въ классъ, кто остается въ томъ же классѣ, кто исключается), насъ новонабранныхъ поставили подъ звонокъ при входѣ въ Семинарію. Симъ давали довать, что мы еще не получили никакого мѣста въ Семинаріи. Позвали въ Реторику; прочли наши списки и посадили. Съ сего времени я сталъ уже семинаристъ.

Мнѣ досталась комнатка хорошая—въ башнѣ, на однѣхъ сѣняхъ съ классомъ словесности, внизу. Хороша потому, что мало насъ (человѣкъ 8), и свѣтло, и тепло, и близко къ классу.

Въ скоромъ времени я обратилъ на себя вниманіе о. Ректора. Однажды онъ пришелъ въ нашу комнату и задалъ намъ предложеніе: „науки полезны“,—для того, чтобы сказать что нибудь. Мы еще вовсе не слышали ни одного урока по словесности. Я сказалъ: „какъ солнце, освѣщающее землю, приносить ей пользу, такъ науки, просвѣщающія разумъ—полезны“. О. Ректоръ восхитился, расхвалилъ меня и съ тѣхъ поръ при каждомъ посѣщеніи, бывало, непременно меня спросить. Это же послужило мнѣ и впоследствии въ пользу. Я успѣлъ выпросить полукоштъ моему брату въ училищѣ, потомъ себѣ полный коштъ, потомъ и брату полный коштъ. Это въ продолженіи пяти лѣтъ.

О. Ректоръ отлично умѣлъ покровительствовать талантамъ. Любилъ отлично дѣтей. Мнѣ было хоть 15 лѣтъ, но я былъ не великъ ростомъ и имѣлъ какую-то особенную простоту, которая всегда со мною. О. Ректоръ, бывало, любовался мною.

Профессоръ словесности Иванъ Ивановичъ Лилеевъ, для размѣщенія насъ по достоинству, задалъ намъ задачу. Она была—русскій текстъ: намъ самимъ должно было перевести ее по-латыни. Въ семъ дѣлѣ мнѣ весьма много помогъ ученикъ Философіи Павелъ Андр. Левитскій, или лучше: онъ мнѣ написалъ. (Это мой двоюродный братъ). Случилось, что моя задача вышла лучше всѣхъ. Я занялъ первое, послѣ старшихъ учениковъ, мѣсто. Это обратило на меня вниманіе и учителя и моихъ товарищей. Впоследствии я не могъ поддержать сего мнѣнія о себѣ вполне. Былъ однако между младшими въ первомъ десяткѣ. (Пишу въ монастырѣ 12 апр. 1842 г. недѣля Вай).

Въ словесности я учился четыре года. Въ первые два года я хоть успѣлъ столько, что меня можно было перевести въ Философію, но я остался самъ еще на два года для большаго усовершенствованія. Не знаю, кто мнѣ эту мысль внушилъ, или само начальство такъ разсудило. Только это для меня столь важно, что совершенно рѣшило всю мою послѣдующую участь. Вотъ почему: если бы я чрезъ два года

пошелъ въ Философію, то при всѣхъ моихъ стараніяхъ, вѣроятно, я не поднялся бы выше десятаго мѣста. А слѣдств., я не попалъ бы въ Академію. А если-бы не былъ въ Академіи, то я былъ бы или въ селѣ священникомъ, или въ Москвѣ діаконъ. Помню, что въ разрядномъ спискѣ профессора словесности къ концу первыхъ двухъ лѣтъ я стоялъ или въ концѣ второго, или въ началѣ третьяго десятка. Слѣдств., былъ бы средній (въ Философію перешло около 60 учениковъ). По списку остающихся на второе двухлѣтіе я стоялъ первымъ. Это возбудило во мнѣ нѣкоторое тщеславіе. Но я ошибся; еще лучше меня такъ же остались въ Словесности. И при первомъ размѣщеніи я едва удержался десятымъ. Черезъ годъ поднялся до 3-го или 4-го мѣста; но въ Философію переведенъ вторымъ.

Скажу, что мнѣ кажется примѣчательнымъ въ моей жизни въ сіи четыре года.

А) Первые два года.

Въ сіи года я учился больше изъ страха, нежели изъ убѣжденія и по ревности. Оттого очень немного успѣлъ. Въ сочиненіи задачъ и въ переводѣ съ латинскаго съ годъ я состоялъ подъ руководствомъ моего двоюроднаго брата Павла Андр. Левитскаго. Руководитель преумный, но жаль, я былъ лѣнивъ, а онъ меня не понуждалъ покрѣпче.

По-гречески я вовсе не учился потому, что было можно лѣниться. Насъ училъ лекторъ изъ учениковъ Богословія, Петръ Евлампіевичъ, кажется, Соколовъ, впрочемъ весьма умный человекъ (нынѣ онъ, кажется, въ Москвѣ священникомъ и законоучителемъ въ женскомъ Александр. Институтѣ).

Всеобщей Исторіи въ сіе время насъ училъ прежалкій профессоръ Николаи Васил. Щуцкій. Съ насъ не взыскивалъ нисколько; да и взыскивать нечего. Бывало, придетъ въ классъ, начнетъ по немъ прогуливаться и рассказывать для себя Исторію (потому что точно, его никто не слушалъ). Расскажетъ, возьметъ фуражку и уйдетъ; тѣмъ дѣло и кончалось. Посему я и Исторіи не знаю ни одного урока. И когда, бывало, хотѣлось послушать, что говоритъ профессоръ; но, такъ какъ онъ безпрестанно взадъ и впередъ ходилъ и голосъ имѣлъ слабый, выговоръ слитный, къ тому

ученики, по-невниманію профессора, очень шумѣли и безпрестанно выбѣгали изъ класса, то и не можно было выслушать рѣшительно ничего.

Изъ новыхъ языковъ меня кто-то уговорилъ выбрать французскій. (Это отдавалось на волю: кто хотѣлъ, учился по-французски, или по-нѣмецки). Сперва я было началъ учиться порядочно, но послѣ, когда дошли до спряженій, я заглѣнился и рѣшительно бросилъ. И преимущественно потому, что мнѣ стыдно было правильно выговаривать французскія слова, напр.: que j'us, que tu us, qu'il ut, que nous usion su и пр. Мнѣ казалось это какимъ-то безпутнымъ жеманствомъ. Не помню, сколько времени я болтался въ семь классѣ. Едва-ли не всѣ два года.

Послѣ я весьма обрадовался, что о. Ректоръ мнѣ предложилъ, не хочу-ли я учиться по-еврейски. Я изъявилъ желаніе съ восторгомъ. Но къ несчастію, и здѣсь я, кажется, тоже терялъ время даромъ, вотъ почему: а) учитель съ нами только самъ началъ учиться, не знавши прежде ничего. (Это Трофимъ Ив. Платоновъ, проф. всеобщей исторіи послѣ Щуцкаго. Нынѣ священникъ въ Москвѣ). б) Такъ какъ я былъ ученикъ Словесности, а Еврейскому собственно учились ученики Богословія и отчасти Философіи, то я былъ между ними послѣдній и брошенный; в) лексиконъ Еврейскій былъ одинъ, который притомъ всегда находился у профессора, или у учениковъ Богословія. Какъ же я могъ учиться безъ лексикона.

Не знаю, отъ природы-ли я слишкомъ сонливъ, или отъ ребяческой безпечности, только я въ классѣ весьма часто спалъ, даже на Словесности. Я не пренебрегалъ учителя, напротивъ, я и боялся, и уважалъ его, но рѣдко высниживалъ класъ, не уснувши. Бывало, чтобъ не замѣтилъ сего учитель, я подкладу книгъ почти подъ бороду и такъ, положивъ на нихъ голову, засыпаю. За это издѣвались надо мною товарищи. Случалось, спросить учителя, а я сплю. Отъ того рѣдко могъ давать порядочные отвѣты. На французскомъ же большею частью я именно спалъ. Классъ былъ въ жилой комнатѣ. Мы сидѣли по кроватямъ. Бывало, я завалюсь за рядъ учениковъ и сплю. Случалось, меня спросить лекторъ, и я принужденъ бывалъ выкарабкиваться изъ-за учениковъ и съ сонными глазами показать лектору, что

я дуракъ и безпечный. Удивительно, мнѣ не доводилось за это ни разу отвѣчать предъ начальствомъ, значить слишкомъ плохъ былъ въ этомъ отношеніи надзоръ. (Монастырь 8 маія 1842 г.; туманъ, холодно (2 град.).

Словесности насъ училъ отличный профессоръ Иванъ Ивановичъ Лилеевъ. Ему я обязанъ паче всѣхъ.

Ко мнѣ, кажется, ежегодно ходила весною матушка. Кстати ей было—помолиться въ лаврѣ Преподобнаго Сергія и поспѣтть меня. Помню, въ первый разъ, увидѣвши ее, я себя счелъ будто въ Царствѣ небесномъ: не могу изъяснить моеи радости. Удивительно, какъ нѣжныя лѣта способны къ симъ прекраснымъ чувствованіямъ. Съ лѣтами, отъ умножавшагося разсудка, а больше отъ пороковъ и страстей, я сталъ терять сіи драгоценныя чувствованія и нынѣ сдѣлался ужъ очень хладенъ ко всему.

На праздники Рождества Христова и Пасху, большею частію, я ѣздилъ въ Москву къ дядѣ діакону Николаю Борисовичу. Я былъ бѣднаго отца сынъ; слѣдственно, какъ бѣднякъ, былъ трактуемъ не больше, какъ въ родѣ слуги. Было тягостно и прискорбно, но чрезъ сіе я выслуживалъ себѣ небольшіе гроши, которыми существовалъ цѣлую треть. Притомъ, у меня были сестры дѣвицы: я видѣлъ, что если можно на кого имѣть надежду въ помощи, то на сего дядю. Въ чемъ и не обманулся. Это еще болѣе располагало меня—жертвовать своимъ служеніемъ для надеждъ на помощь сестрамъ. Благодарю Бога! въ столь нѣжныхъ лѣтахъ я умѣлъ уже и такъ далеко смотрѣть въ будущее и не обманываться. Этого и доселѣ не знаютъ ни мои сестры, ни родители.

Однажды, на Пасху, я ходилъ со своимъ братомъ двоюроднымъ Павломъ Андр. Левитскимъ къ его родителямъ, въ село Прозоровское (отъ Москвы версть 30). Госпожа была уже вдова, либо дочь, либо невѣстка графа Суворова. Село веселое; садъ прекрасный, домъ, пруды, очень хорошая церковь. Мой дядюшка здѣшній былъ пономарь. Человѣкъ не трезвый. Тетка добрая; и другая тетка же убогая дѣвица (сестры батюшкины) тоже добра. Хотя я просидѣлъ все дома, однако, поелику было вольно, по деревенски,—мнѣ это нравилось.

Проходя изъ семинаріи въ Прозоровское, мы ночевали въ

одномъ селѣ (не помню) у вдовы. Ея дѣти ходили къ заутрени—въ недѣлю ваѣи и одному изъ нихъ капнулъ горячій воскъ со свѣчи въ глазъ. Онъ держалъ вербу, на вербѣ свѣчу. Видно онъ вербу поднималъ высоко и глядѣлъ на свѣчу. Бѣдняжка! помню, какъ онъ мучился. Не знаю, остался ли его глазъ. Фамилія сихъ—Подобѣдовы. Не родственники-ли они Амвросію Подобѣдову, скончавшемуся Архіепископомъ въ Твери и другому Амвросію бывшему Митрополиту С.-Петербургскому, скончавшемуся въ 1819-мъ году.

На вакацію я ходилъ домой—пѣшій. Это 160 верстъ. Уставалъ жестоко: однако, скоро все забывалъ отъ утѣшеній въ домѣ родительскомъ. Меня лелѣяли и родители, и сестры. Послѣднія готовы были мнѣ быть рабами: не знаю, по предчувствію-ли, видя во мнѣ единственнаго о нихъ попечителя, или по благословенной родственной приверженности. Слава Богу! я имъ это заплатилъ и онѣ доселѣ это чувствуютъ.

Какъ-то пріѣхалъ дядюшка Николай Борис. въ первые два мои года въ Виванію. Я ему обрадовался: выбѣжалъ его встрѣтить. Онъ меня приласкалъ. Потомъ, видя, что у меня сапоги вовсе безъ подошвъ, спросилъ: „какъ же ты это ходишь?“ Я только тутъ увидѣлъ, что я бѣденъ. У меня потекли слезы безъ спроса. Мнѣ дядя далъ пять копѣекъ се ребромъ!

Должно быть въ то же лѣто вотъ что случилось со мною: на семинаріи была деревянная крыша; ее сбросили для того, чтобъ покрыть желѣзомъ. Мы вышли изъ класса: надобно было переходить черезъ набросанныя съ крыши доски съ гвоздями. По ребячеству, я не совсѣмъ остерегся и попалъ ногою на гвоздь. На сапогѣ подошвы не было: гвоздь пронзилъ мою ногу, и я тутъ же и сѣлъ: меня довели до комнаты. И чудно! я не о томъ думалъ, что у меня сапогъ безъ подошвы, а о томъ, что не остерегся пройти мимо гвоздей. Какъ мнѣ близка была моя бѣдность! я не умѣлъ ее и чувствовать.

Б) Вторые два года.

Оставшись на другой курсъ по списку первымъ, я не могъ удержаться выше 10-го мѣста. Это отъ того, что, кромѣ меня, по доброй волѣ также на другой курсъ осталось уче-

никовъ 12. Половина изъ нихъ были совершеннѣе меня. Поэтому, я въ первый годъ едва успѣлъ достигнуть 5 го или 4-го мѣста.

Примѣчательно благоразуміе профессора словесности: данъ былъ въ классѣ экспромтъ на латинскомъ языкѣ. Довелось и мнѣ читать свой періодъ профессору. Я сдѣлалъ ошибку: причастіе на русскомъ на *мый* я по-латынѣ перевелъ въ совершенномъ страдательномъ. Профессоръ приказалъ исправиться. Я не умѣлъ. Спрошены другіе: тѣ сказали, что надобно по латынѣ сказать причастіемъ на *dis* или перевести чрезъ *qui*. Тогда профессоръ принялся за меня: „Калъ! я не зналъ тебя. Я думалъ, что ты чего-нибудь стоишь и потому оставилъ тебя на другой курсъ. Ты сушій дуракъ“. Потомъ спросилъ: „чей ты сынъ?“—„Я—дьячковъ“.—„Ты на коштъ?“—„Да.“—„Такъ видишь, ты даромъ истощаешь и отца, и казну. Ты не годишься къ ученію; я попрошу тебя исключить. Ступай, бей мѣдъ со своимъ отцемъ (т. е. будь звонаремъ)“. Такими рѣчами меня совершенно сразилъ профессоръ. Я залился слезами. Прибѣжалъ домой и, перекрестясь, засѣлъ за латинскій языкъ. Принялся всею моимъ стараніемъ; сижу день и ночь. Чрезъ треть услышалъ нѣсколько радостный отзывъ. Профессоръ меня за что-то немножко похвалилъ. Потомъ посадилъ мѣста чрезъ два повыше. Дальше, сталъ уже изрядно похваливать. Я былъ въ восхищеніи. Чрезъ годъ я получилъ уже четвертое мѣсто. И въ послѣдній годъ былъ уже во всегдашней милости у профессора. Въ послѣднюю треть даже онъ меня иногда сталъ звать: „вы“. Это у насъ въ то время, изъ устъ профессора—значило высокую похвалу.

Наконецъ, въ Философію я пошелъ вторымъ. Во время перевода насъ въ Философію, Ив. Пв. Лилеевъ подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ: „Иди съ Богомъ въ Философію, я на тебя надѣюсь. Помнишь, я тебя бранилъ? Это для того, чтобъ усилить твою ревность. Я видѣлъ, что изъ тебя выйдетъ хорошее. Я не обманулся. И впредь надѣюсь на твои успѣхи.—Прощай“. Спасибо ему. Истинно прозорливый человекъ.

Скажу еще: къ окончанію перваго моего курса въ словесности, въ Москвѣ на тотъ разъ Митрополитомъ былъ Серафимъ, нынѣ Санктъ-Петербургскій (это было въ 1820-мъ году).

Впервые я тутъ увидѣлъ Архіерея и столь славнаго. Онъ пріѣхалъ больше для Академическаго экзамена: ибо тогда въ Лаврѣ кончали курсъ суденты 2-го Моск. курса. Однако онъ былъ и на нашемъ экзаменѣ. Сперва я увидѣлъ Серафима выходящимъ съ академическаго экзамена въ Лаврѣ. Мнѣ что-то приказано было объ этомъ довести. Я былъ столько робокъ, что не смѣлъ подойти поближе къ Академіи: остановился у монастырскихъ воротъ съ нищими. Тутъ одна женщина меня приголубила, узнавши, что я семинаристъ. Эта женщина была мать тогда бывшаго студента сей Академіи, который послѣ здѣсь-же былъ бакалавромъ Перковной Исторіи — Ѳеодоръ Алексѣевичъ Терновскій-Платоновъ.

Когда выходилъ изъ Академіи Митрополитъ Серафимъ и я его увидѣлъ, то воображалъ, что вижу ангела. Я заплакалъ отъ восторга душевнаго. Тогда Серафимъ точно еще былъ только на первой ступени старости, въ полусѣдинѣ, благообразный, въ бѣломъ клобукѣ и свѣтло-голубой рясѣ; грудь его вся въ орденахъ. Я самъ былъ будто не на землѣ.

Онъ былъ и у насъ на экзаменѣ. Со мною случилось несчастье: такъ какъ меня предположено было оставить опять въ словесности, то я полагалъ, что не буду спрошенъ; оттого сидѣлъ безпечно. Но меня любилъ о. Ректоръ, ему хотѣлось показать меня Серафиму. Слышу: „Казанцевъ!“ Я затрепеталъ. Мнѣ далъ профессоръ: „quid est dilemma?“ — я почти не могъ отвѣтить. Спросили примѣръ. Немножко припомнилъ дилемму разбойника: *aut crucem dabis aut vitam*. Профессоръ одобрилъ меня, сказавъ: *bene; sed eas*. И себя симъ же вывелъ изъ конфуза. Однако я долго о семъ грустилъ.

Серафимъ у насъ въ Виенѣи тогда и служилъ. Я отъ восторга все плакалъ. Я не могъ вообразить, чтобъ служащій этотъ толико прославляемый и облаченіемъ, и пѣніемъ, и поклонами былъ бы челоуѣкъ. Это казалось выше челоуѣка: Ангель во плоти.

Въ тотъ же, кажется, годъ къ рождественскому экзамену и въ Академію и къ намъ пріѣхалъ Филаретъ, поступившій на мѣсто Серафима въ Москву, тогда бывшій еще Архіепископомъ. Онъ у насъ на экзаменѣ былъ съ Тульскимъ, тогда новопоставленнымъ, Епископомъ Дамаскиномъ.

Тогда я впервые увидѣлъ сего великаго человѣка въ маломъ тѣлѣ. Филаретъ тогда былъ едва-ли не въ теперешнія мои лѣта, именно, 38 или 39 лѣтъ. Я не былъ счастливъ: онъ меня не спросилъ. Помню только, что я посмотрѣлъ съ благоговѣніемъ на его кунью, или соболью рясу, которая лежала въ первой съ прихода комнатѣ. Слышалъ, что онъ профессора Философіи на экзаменѣ за что-то конфузиль и сказалъ: „на что сушить сухари сушеные?“ Кажется, это онъ разумѣлъ о сокращеніяхъ Бавмейстеровой Философіи.

Скажу еще о нѣкоторыхъ приключеніяхъ со мною въ сіи годы. Первое: однажды на праздникъ Рождества Христова я пріѣзжалъ на родину къ батюшкѣ. Въ это время мы, согласясь, еще въ Виѣаніи, съиграли комедію „Мельникъ-колдунъ“, въ селѣ Полуэктовѣ князя Долгорукаго, что отъ моей родины въ 3-хъ верстахъ. На меня положена роль невѣсты какого-то жениха. И я ее игралъ въ дѣвичьемъ платьѣ. Дураки, меня заставили выпить, для смѣлости, рюмку водки: въ сіе время я впервые вкусилъ сего яда! игралъ въ полусознаніи, какъ безумный. Впрочемъ правилось зрителямъ. Гдѣ-же былъ нашъ театръ?—въ дѣвичьей господскихъ дѣвицъ. Дѣйствующими были только мы, семинаристы, и именно: Павелъ Матв. Сокольскій—мельникъ, Герасимъ Вас. Соколовъ—жена его, Иванъ Сергѣевичъ Виноградовъ—одюдворецъ, Петръ Ив. Смирновъ—женихъ.

Съ сего же времени я узналъ, что такое для молодыхъ людей святочныя вечеринки. Жалость! всѣ забавы и игры прямо направлены къ дурнымъ связямъ молодецвъ съ дѣвицами. Помню, что мои родители, особенно матушка, съ крайнею скорбію допускали это и единственно потому, что не смѣли дразнить отказомъ моихъ старшихъ. Съ сего времени—и въ мое доселѣ невинное сердце—запала грусть о разлукахъ и одиночествѣ. Тутъ не было мыслей конкретивныхъ; одни какіе то темные гулы издалека подходящихъ страстей звенѣли по краямъ моего сердца. Я былъ грустенъ; оттого, что не смѣлъ быть наглъ, подобно другимъ и, кажется, гнушался сего.

Въ другой разъ, уже во вторые годы въ Словесности, также на Рождество Христова я уѣзжалъ во Владимірскую губернію къ младшему моему товарищу Θεодору Петропавловскому въ село Мякишево—версть за сорокъ отъ Виѣаніи,

верстахъ въ 4-хъ отъ большой Переславской дороги вправо отъ Лавры, противъ деревни Лисавы. Мой сей товарищъ сынъ священника. У него двѣ тогда сестры были замужнія и двѣ дѣвицы. Замужнія обѣ за священниками. Одна въ прекрасномъ селѣ Рюминскомъ, другая въ хорошемъ же селѣ, называемомъ Слобода, покойнаго графа Хвостова. Въ обоихъ селахъ съ нимъ и съ отцемъ его я былъ и съ пріятностью. Въ Слободѣ мы съ нимъ (впрочемъ болѣе по его убѣжденію) съиграли мерзкую комедію „Дьячки“. Какъ то заѣзжали въ городъ Александровъ, были тамъ у соборнаго діакона. Помню, видѣлъ у него много часовъ. Впрочемъ все помню слабо. Вездѣ были по нѣскольку часовъ и больше ночью. Дорогою въ лѣсу видѣли какую то пустынь. Называли ее—теперь не помню. Мнѣ что-то она полюбилась: стоитъ въ одиночествѣ и въ лѣсу сухая пустыня. Изъ двухъ дѣвицъ сестеръ его, одна и тогда уже была невѣста. но не красива лицомъ и разумомъ недалеко. Ее звали Настасья. Другая, по имени Елена, тогда была 11 лѣтъ, дѣвочка бойкая, умвая и очень красивая. По простотѣ воспитанія, она тогда была—сущій младенецъ. Отецъ ихъ—солидный священникъ лѣтъ 50-ти, жена его, кажется, постарше, или болѣзненна. Мнѣ довелось въ этомъ селѣ быть въ другой разъ, уже по окончаніи академическаго курса, т. е. почти чрезъ 12 лѣтъ. Что-же? мой товарищъ уже давно въ солдатахъ; священникъ и жена его—покойники: на ихъ мѣстѣ та Елена, за священникомъ, женщина тучная, огромная, съ дѣтьми, а Настасья тутъ-же уже въ родѣ прислуги у зятя и сестры: несчастная, она осталась въ дѣвицахъ.

Этотъ Петропавловскій у меня слушался: я былъ его аудиторъ. Вотъ причина его приглашенія меня къ себѣ. Мальчикъ живой, учился очень изрядно, былъ въ пѣвчихъ—имѣлъ прекрасный дишкантъ, но былъ своеволенъ и вѣтренъ. Перешелъ въ Философію, отсюда пошелъ въ Университетъ, тамъ нашумѣлъ и отданъ въ солдаты. Хорошо игралъ на скрипкѣ. Отца его братъ былъ профессоромъ гдѣ-то въ Петербургѣ, тамъ скончался: отецъ Петропавловскаго получилъ его наслѣдство. Я видѣлъ много книгъ. Изъ нихъ я получилъ въ подарокъ Тацита. Умѣлъ и тогда я выбирать; эта книжка и теперь у меня.

Когда я въ другой разъ, по-окончаніи Академ. курса, здѣсь былъ и спросилъ о сихъ книгахъ, глупый священникъ мнѣ что-то пробормоталъ. Я узналъ, что ихъ уже нѣтъ: видно перетаскалъ въ нужникъ. Село это угрюмо. Народъ дикій, говорить на о: однако не бѣденъ. Бабы на головахъ столь огромныя носятъ сороки, что онѣ кажутся какъ-бы печныя заслонки. Кажется, и развратъ не малый.

Еще приключеніе: однажды въ Паску, будучи въ Москвѣ и, ходя по ней взадъ и впередъ, я встрѣтился съ бывшимъ моимъ товарищемъ, послѣ поступившемъ въ Университетъ, Иваномъ Бѣляевымъ. Пошли вмѣстѣ; рѣчи за рѣчами. Зашелъ какой-то очень живой разговоръ. Намъ надобно было итти чрезъ Кремль, сквозь Спасскія ворота. Здѣсь скидаютъ шапки предъ чудотворнымъ образомъ Спасителя по древнему уставу. Мы забыли. Насъ остановили на гобвахтѣ; взяли подъ арестъ. Я ужаснулся. Солдаты хотѣли насъ вести, какъ арестантовъ, къ коменданту. Мой Бѣляевъ половчѣе меня началъ упрасивать унтеръ-офицера, давалъ ему копѣекъ пятнадцать мѣди (последнія, что были). Солдатъ упирался долго. Насъ продержали съ часъ. Я стоялъ, какъ полу-мертвый. Спасибо—отпустили, и я вышелъ будто изъ темницы. Благодарилъ Бога, что спасся. Я думалъ, что я совсѣмъ пропалъ.

Въ эти же годы, пріѣзжая обыкновенно на Рождество и Паску въ Москву, я хаживалъ съ поздравительными рѣчами къ моей крестной матери Княгинѣ Аннѣ Александровнѣ Меньшиковой, нашей помѣщицѣ. Она крестила меня еще семилѣтнею дѣвочкою. Родомъ она — Графиня Протасова, мужъ ея нынѣ князь Александръ Сергѣевичъ Меньшиковъ — Начальникъ Морского Штаба. Княгиня меня принимала ласково и давала иногда по десяти рублей, а иногда и поменьше. Тутъ же меня ласкали и ея люди. Къ чести ея надобно сказать: у нея люди богобоязненные, степенные, нѣкоторые даже съ высокимъ благочестіемъ.

Скажу о нѣкоторыхъ изъ нихъ: 1) Иванъ Ивановичъ Казариновъ. Это мужъ великаго благочестія. Въ царствованіе Императрицы Екатерины, онъ какимъ то образомъ былъ очень близокъ къ двумъ С. Петербургскимъ Митрополитамъ Гавриилу и Амвросію. А чрезъ нихъ впоследствии даже бывалъ у Императора Александра и супруги Его Елисаветы.

Онъ былъ просто дворецкій, иль сынъ дворецкаго у графа Григорія Никитича Орлова (коего наслѣдницею послѣ сдѣлалась мать нынѣшней Княгини—покойная Александра Максимовна Протасова графиня). А отъ щедротъ Императора Александра онъ имѣеть два генеральскихъ орденъ, именно: 2-го Владиміра и еще, кажется, Мальтійскій. Онъ доселѣ еще живъ: старецъ маститый, лѣтъ въ 90, если не болѣе. По обѣту—дѣвственникъ. Особенно величаетъ Матерь Божию; о ней у него самая лучшая и одушевленная бесѣда. Отъ начитанности многихъ книгъ, при обширной и весьма точной памяти, его бесѣда, при его глубокомъ благочестіи, весьма умилительна. Его рѣдкіе слушаютъ безъ слезъ. Онъ доселѣ ведетъ жизнь подвижническую. Весьма любезенъ въ обхожденіи, милостивъ, до послѣдней возможности. Говоритъ изящно и всегда съ какимъ-то выпрененнымъ восторгомъ. Я у него бывалъ не разъ и всегда чувствовалъ рай въ душѣ.

Его ученикъ—тоже дворовый человѣкъ—2) Василій Ивановичъ. Этотъ тоже идетъ по стопамъ своего учителя, но далеко ниже его. Жаль, кажется, довольно самообольщенъ и плѣненъ духовною гордостію. Однако ведетъ жизнь весьма строгую и дѣвственникъ. Онъ живетъ въ нашемъ селѣ уже лѣтъ пятнадцать, иль болѣе. Скончался недавно въ глубокой старости.

3) Яковъ Савельичъ и Дарья Дмитровна—супруги. Говорятъ, что они въ супружествѣ хранятъ дѣвство. Это весьма удивительно! точно, у нихъ не было и нѣтъ дѣтей. Люди прекрасные. Имъ уже теперь одному 55, другой 45, иль болѣе лѣтъ. Взглянуть на нихъ—сердце радуется.

4) Много бывало и есть сѣнныхъ дѣвушекъ благочестивыхъ и цѣломудренныхъ, среди столькихъ огней, какъ это можно вообразить въ домѣ, гдѣ сотни молодыхъ людей.

5) Сама Княгиня—первый образецъ своимъ людямъ. Она весьма благочестива и просто, по-русски. Ей теперь 45, иль немного побольше лѣтъ. Мужъ съ нею жилъ не больше пяти лѣтъ, но лѣтъ 12, иль больше, вовсе ее бросилъ, и она живетъ весьма цѣломудренно.

Въ сіи же годы я впервые узналъ, что такое театръ. Однажды, въ вакацію, мнѣ доставили случай тутъ быть. Я былъ въ хорошемъ мѣстѣ, сидѣлъ въ мѣстахъ за креслами.

Представляли: „Обрученіе съ моремъ Венеціанскаго Дожа“. Я былъ во все время какъ-бы въ изступленіи; не вѣрилъ очамъ и ушамъ своимъ. Это меня столько поразило, что я съ недѣлю послѣ только и мечталъ о театрѣ. Въ этотъ же разъ была въ Москвѣ знаменитая пѣвица Каталани. Тутъ она на театрѣ играла въ оперѣ первую ролю, а послѣ въ разнородныхъ пляскахъ (дивертисментъ) пѣла русскую пѣсню „Милый мой сердечный другъ“. Неимовѣрный голосъ: мужество, нѣжность, непостижимая ловкость, безпредѣльные возвышенія съ величайшею легкостію—при самыхъ выразительныхъ патетическихъ минахъ, это что-то будто волшебное. Я совершенно потерялся. Тутъ же видѣлъ французское жеманство въ кадрилихъ и дуэтахъ, скачки и прыжки индійцевъ, живописную и цѣломудренную русскую пляску, Турецкую лѣнность, Англійскую меланхолію и важность гордаго пана-поляка и проч. Тутъ же дивился удивительнымъ фигураціямъ въ комедіи знаменитыхъ Лисицыныхъ, и тогда уже состарившихся. Кстати: въ другой разъ я былъ въ новомъ театрѣ въ Новый годъ, когда его только открыли, именно 1825 года. Тогда мнѣ было уже больше лѣтъ и разсудка. Я не восхищался столько. И представленіе вяло, что то фантастическое: „Россія, возникающая изъ мрака невѣжества“. Рѣчей слышалъ мало, а мысли глупыя потому, что эту Россію воскрешали Аполлоны и другія чуда. Тутъ же опять была Каталани и что-то опять цѣла. Только и всего, что я былъ въ театрѣ.

Скажу кстати: въ недѣлю Пасхи, бывая въ Москвѣ, я хаживалъ тамъ на гулянье, которое бываетъ тамъ подь Новинскимъ (улица называется по имени нѣкогда бывшаго монастыря Новинскаго, нынѣ обращеннаго въ приходскую церковь). Тутъ толпится простой народъ у качелей и комедій, а кругомъ катается знать въ великолѣпныхъ экипажахъ. По бѣдности моей, я сопричислялся къ черни и съ нею бродилъ по грязи около качелей и комедій. На послѣдніе гроши однажды я захотѣлъ покачаться на круглыхъ качеляхъ. Съль—и обмеръ отъ испуга, когда начали качать. Едва я могъ высидѣть надлежащій терминъ. И съ тѣхъ поръ уже никогда не качался. Еще, мнѣ весьма хотѣлось быть въ комедіяхъ. Былъ и здѣсь въ двухъ, иль трехъ—и дивлюсь доселѣ тому, что видѣлъ, а именно: 1) геркулесовой силѣ

въ мужчинѣ, державшемъ на себѣ шестерыхъ; женщинѣ, поднимавшей на своихъ двухъ косахъ огромный деревянный брусъ, 2) искусству и ловкости: въ ѣздѣ фиглярамъ, ѣздившимъ на лошадяхъ стоя и, иногда даже одною ногою, на хребтѣ лошади, бѣгущей во всю прыть; пляшущимъ на канатѣ; дѣвушкѣ, державшейся на струнѣ съ четверть часа и въ сіе время игравшей искусно въ пять шариковъ, одѣвшейся въ солдатскій мундиръ и выстрѣлившей изъ пистолета; другимъ молодцамъ, колесообразно вертѣвшимся даже иногда въ одинъ разъ назадъ и впередъ, опрокидывавшимся на себя и чрезъ себя и проч. Видѣлъ стоявшаго на раскаленной чугунной плитѣ босыми ногами, ядущаго растопленную смолу и проч. Отъ крайняго любопытства, я отдавалъ послѣдніе пятаки серебра, чтобъ утѣшиться сими дивами. Тутъ же видѣлъ (къ несчастію моего сердца) и развраты разнородные, иногда въ самой отвратительной наготѣ.

Однажды здѣсь я увидѣлъ молодую женщину, которую сей-часъ убили лошади, набѣжавшія на нее въ то время, какъ она хотѣла перебѣжать улицу. Еще видѣлъ ломку каретъ на пересѣкѣ Смоленской улицы, когда гулянье потянулось къ Новодѣвичьему.

Въ Новодѣвичьемъ, ходя съ нянькою, жившею у Моск. дяди, по стѣнѣ монастыря, я зашелъ въ кладовую игуменини и, увидѣвши тутъ разныя рыбы, ужаснулся, опасаясь, чтобъ меня не схватили, какъ вора.

19 Августа не разъ я путешествовалъ съ моимъ дядюшкою о. діаконъ изъ Кремля въ Донской монастырь въ крестномъ ходѣ. Нынѣ я знаю уже и Петербургскіе крестные ходы, видѣлъ ихъ также въ Вяткѣ, въ Тулѣ, въ Новгородѣ: Московскихъ нѣтъ величественнѣе и чувствительнѣе. Великолѣпіе, многолюдство, благочестіе—безпримѣрно.

Въ это время однажды мы были съ дядюшкою на Воробьевыхъ горахъ, тамъ, гдѣ предполагалось выстроить Соборъ во имя Всемилостиваго Спаса въ память 1812 года. Я удивился огромности работъ и тщетѣ ихъ, какъ это нынѣ и сбылось. 16.000.000 рублей брошено даромъ и погублено болѣе 20.000 человекъ.

Здѣсь въ тѣ годы случилось печальное происшествіе. мнѣ рассказанное: священникъ Московскій, вдовый, съ какимъ то пріятелемъ свѣтскимъ вздумали въ хорошій день

погулять на Воробьевыхъ горахъ. У того и другого были дочки—дѣвицы; они ихъ взяли съ собою. Дѣвушки попросились у родителей покупаться въ Москвѣ-рѣкѣ; имъ позволили. Спустя нѣсколько времени, священникъ, востосковавшись, что дочки ихъ долго не возвращаются, захотѣлъ посмотрѣть; гдѣ онѣ? и живы-ли? Чтобъ ихъ не пристыдить, онъ пробирался потихоньку по-за-кустиками. Случилось, что дѣвушки, сидѣвшія на песочкѣ въ мелкомъ мѣстѣ рѣки, увидѣли его нагя, прежде, нежели онъ ихъ увидѣлъ. Имъ стало стыдно: онѣ смутились и, чтобъ скрыть стыдъ въ водѣ, ухватяся одна за другую, бросились въ глубину и—утоули! какое печальное приключеніе, неожиданное и ни съ той, ни съ другой стороны не виновное! Сколько подобныхъ приключеній, которыхъ не разгадаешь.

Мое ученіе въ среднемъ отдѣленіи Семинаріи 1822—1825 годовъ.

При вступленіи моемъ въ сіе отдѣленіе, мнѣ было уже 19 лѣтъ. Я былъ совершенно здоровъ. Меня Господь наградилъ сердцемъ нѣжнымъ, но отъ юности оно пылало. Господь сохранилъ меня доселѣ отъ пороковъ плоти: однако, бывали случаи, которые трогали мое сердце. Я былъ стыдливъ; при женщинахъ молодыхъ я былъ нѣмъ: но сердце билось въ груди; я любилъ ихъ, стыдяся впрочемъ себя самого.

Виѣанія есть такое блаженное мѣсто, гдѣ можно имѣть покой души. Монастырь, воды, прекрасный лѣсокъ, луга, поля, ручейки, овраги, монахи, начальники, семинаристы и—только. Женскаго и духа неслышно.

Мое вступленіе въ сіе отдѣленіе было однако слишкомъ горестно и единственно отъ моей глупости. Вотъ приключеніе: По обычаю, издавна существовавшему, переходъ изъ одного класса въ другой—ученики праздновали общею пирушкою. Здѣсь новопоступившіе ученики средняго и высшаго отдѣленій—вновь дружились и свидѣтельствовали свое взаимное братство (ученики словесности тогда почитались еще дѣтьми: составляли сами изъ себя особую стихію). Глупая молодость, при томъ въ такой пустынѣ, какова Виѣанія,—чѣмъ будетъ потѣшаться, кромѣ вина? Мы сложились, помню, по гривеннику. Куплено было множество полугарнаго хлѣбнаго вина. Вечеромъ, послѣ ужина, собрались оба отдѣленія въ одну компану. Какія то придуманы потѣхи.

Играли на скрипкахъ умѣвшіе, дурачились въ одѣяла, простыни и проч. Такъ какъ я былъ изъ первыхъ учениковъ и по характеру весьма поваденъ (весьма мѣткое, прекрасное выраженіе, которымъ на сей разъ справедливо охарактеризовалъ меня о. Ректоръ): то, прежде всего, постарались меня напоить водкою. Привели къ боченку. Почерпнули чайную чашку: я поднесъ ко рту и содрогнулся. Еще я почти не пивалъ сего яда. Меня уговариваютъ, принимаю сто разъ и—не могу побудить отвращенія. Однако—при просьбахъ тысячей уже пьяныхъ, зажмурясь, выпилъ больше полчашки. Вино меня тотчасъ зашевелило; я началъ смѣшивать товарищей своими дурачествами. Черезъ нѣсколько времени, уже самъ попросилъ еще и выпилъ уже полную чашку. Тутъ я потерялъ все: сдѣлался полу-безумнымъ.

Потѣха наша какъ-то была узнана начальствомъ. Ректоръ съ Инспекторомъ съ фонарями идутъ въ Семинарію. Мы разсыпались тотчасъ по своимъ комнатамъ, легли на постели и погасили огни. Лежа на кровати, я не могъ молчать; забавлялъ товарищей, говоря, что я встрѣчу о. Ректора, когда онъ придетъ въ нашу комнату, повинюсь ему, что я пьянъ отъ радости. Сталъ хвалить Ректора, что онъ нашъ отецъ,—что онъ насъ любитъ, намъ проститъ наше веселье. Ректоръ былъ уже въ сосѣдней комнатѣ, а я все еще говорилъ. Меня просили молчать: я говорилъ еще крѣпче. Входитъ Ректоръ: я стихъ. Ректоръ, подойдя къ моей кровати, говоритъ Инспектору: „это Казанцевъ!“ Послѣ окрикнулъ меня: велитъ встать. Я приподнялъ голову и упалъ оцять: встать не могъ. Ректоръ съ отвращеніемъ и скорбію отвернулся отъ меня и пошелъ вонъ.

Прошла ночь. Я проснулся. Какія страшныя мученія. Страшно болитъ голова; въ животѣ палитъ вино. Душа—какъ во адѣ. Мнѣ рассказали мое дурачество; я ужаснулся. Потребовали къ Ректору. Полу-мертвый, я пришелъ съ рѣкою слезъ. Сперва вышелъ Инспекторъ—о. Іеронимъ, сказалъ: „Апостолъ учитъ: не упивайтесь виномъ, но паче исполняйтесь духомъ; а вы что дѣлаете“? (насъ позвано было трое, иль четверо). Я кланяюсь въ ноги и обливаюсь слезами. Послѣ вышелъ Ректоръ: „Казанцевъ! такъ ты такой-то? ты пьяный? потерянный? какъ! а я тебя почиталъ младенцемъ невиннымъ. Я тебя принялъ на коштъ: а ты—

несчастный! скройся съ глазъ моихъ!“ потомъ, оборотаясь къ эконому: „о. экономъ, отберите отъ него все казенное платье и постелю; и вы, о. Инспекторъ, бросьте его въ худшую комнату къ ученикамъ словесности, подъ строжайшій надзоръ солиднаго старшаго“. Рѣчи были огненныя, лицо горѣло, глаза блистали: я не смѣлъ сказать ничего, только кланялся и обливался слезами.

Наказаніе, на меня положенное, меня сразило. Экономъ, точно, обобралъ у меня все, даже постелю. Я остался въ изорванномъ сертучишкѣ съ тулупомъ, на голой кровати. Инспекторъ перемѣстилъ меня къ ученикамъ словесности и подъ надзоръ глупаго и надменнаго старшаго—Воздвиженскаго (кажется). Меня убивалъ стыдъ: я сдѣлался опозоренный. Къ тому, денегъ у меня ни гроша, а одежды и обуви своей нѣтъ. Что дѣлать? ужаснулся своего состоянія. Благодарю Бога! я сею катастрофою пришелъ на лучшія мысли. Винилъ только себя: начальниковъ уважалъ, видѣлъ, что и это еще милость со мною: могли бы исключить. И чтобы я тогда былъ?

Я принялся за религію. Молился тайно, уходя въ лѣсъ. Тихонько отъ товарищей, хаживалъ къ заутренямъ и слезами омывалъ свое преступленіе. Я принялся за науки и за книги. Сидѣлъ всегда у себя въ комнатѣ. Товарищей оставилъ. Спасибо мудрому начальнику! О. Ректоръ, томя мѣсяца два, наконецъ, сталъ понемногу прощать. Сперва перевели меня къ товарищамъ въ комнату, потомъ возвратили и постель и платье. Спасибо и новому моему старшему—Романовскому. Видя мою скромность, сокрушительное состояніе духа, мое богомоленіе, мои усердныя занятія по наукамъ—онъ началъ обо-мнѣ доносить начальству, что я исправляюсь. Въ майскую треть уже мнѣ было возвращено все: меня опять полюбилъ о. Ректоръ; меня перевели въ лучшую комнату, даже съ богословами; мнѣ дали постель перваго сорта; мнѣ сшили новое платье опять перваго сорта.

Меня полюбил и профессора. У математическаго профессора Филиппа Фил. Измайлова я былъ цензоромъ и, кажется, первымъ ученикомъ; профессоръ Философіи меня возвеличилъ предъ всѣми, за одно мое разсужденіе. Онъ его читалъ въ классѣ и тутъ же выхвалилъ, какъ единственное, даже неожиданное имъ, сочиненіе. Предложеніе было:

„Можно-ли посредствомъ умозаключеній восходить отъ конечнаго къ безконечному“ (или отъ чувственнаго къ духовному)? Профессоръ греческаго языка—о. Инспекторъ мнѣ дѣлалъ порученія—переводить Греческую Философію Евгенія Болгара. Это по нашему, въ то время, значило много. Словомъ: я получилъ все и за сіе благодарилъ Бога.

Въ этомъ году въ Генварѣ (т. е. 1823 г.) скончался мой дѣдушка по матери, священникъ Борисъ Гавриловичъ. На Рождество я былъ на родинѣ и съ нимъ въ послѣдній разъ наговорился. Видно было, что онъ уже былъ у вратъ смерти. Разказалъ мнѣ всю свою жизнь. Одряхлѣлъ и сдѣлался простъ, какъ дитя (см. о немъ въ моихъ запискахъ о моей поѣздкѣ изъ С.-Петербурга въ Одессу въ 1841-мъ г.).

Такимъ образомъ, первый учебный годъ мною проведенъ былъ прекрасно. Я почувствовалъ утѣшеніе отъ Господа, прибѣгши къ Нему въ скорби моей. Я былъ преданъ наукамъ, которымъ обучался.

Впрочемъ, описанное мною обстоятельство, кажется, потрясло и душу мою и тѣло. Я сдѣлался какъ-то грустенъ; ко мнѣ приближалась злая ипохондрія, которая съ того времени едва ли и доселѣ разсталась со мною. Предъ наступленіемъ вакаціи я вздумалъ остаться на всю вакацію въ семинаріи. Меня стали уговаривать товарищи и земляки. Я былъ непреклоненъ. Остался.

Ужасно было—рѣшительно одному жить въ пустой Семинаріи. Правда, въ первые дни еще оставалось человѣкъ пять, потомъ мы остались только двое. Я ужаснулся сего мрачнаго уединенія. Товарищъ мой задумалъ какія-то романическія похожденія и въ нихъ мнѣ открылся; я поопасся быть вовлеченнымъ сюда-же. Мнѣ захотѣлось перейти къ Инспектору въ келейники и я сего достигъ. Но здѣсь я встрѣтился съ другимъ ужаснѣйшимъ искушеніемъ.

Да не возглаголять уста моя о немъ. Здѣсь я опомнился и предался ужасной тоскѣ. Я видѣлъ, что я попался въ пропасть: началъ придумывать, какъ спастись! Тутъ я получилъ слезное письмо отъ родителей; они меня умоляли, чтобъ я шелъ къ нимъ. Я приступилъ къ Инспектору и началъ проситься. Что-жь?—не пускаетъ! „Съ кѣмъ я останусь; ты меня обманулъ. Не пушу!“ Просилъ, чтобъ я еще хоть съ недѣлю пожилъ. Я не хотѣлъ ни дня. Инспекторъ,

видя мою рѣшимость и догадываясь о причинахъ ея, принужденнымъ нашель отпустить меня, замѣнивъ меня тѣмъ моимъ товарищемъ, съ которымъ мы оставались. (Они оба уже покойники). О. Инспекторъ Геронимъ вскорѣ по моему уходѣ отъ него отбыль изъ Виенни. Его сдѣлали Ректоромъ въ Орловскую Семинарію. Тамъ онъ нажилъ бѣду. Ужасно!—при немъ зарѣзался Инспекторъ Семинаріи—изъ свѣтскихъ. О. Геронимъ былъ отъ ректорства уволенъ: прожилъ нѣсколько просто архимандритомъ въ Мценскомъ монастырѣ. Потомъ по ходатайствамъ, онъ былъ снова опредѣленъ Ректоромъ въ Вятскую Семинарію и тамъ прожилъ семь лѣтъ, управляя дурно Семинарію. 1834-й годъ онъ жилъ на чредѣ священнослуженія въ С. Петербургѣ и здѣсь, немного не кончивъ годичнаго курса, и именно въ 20-хъ числахъ декабря,—скончался. Я былъ опредѣленъ Ректоромъ въ Вятку—на его мѣсто;—о семъ впрочемъ еще будемъ говорить. Семинаристъ тотъ—Михаиль Покровскій бѣдняжка, какъ-то, въ ту-же ли вакацію, или еще попоздѣе, простудился. Я пріѣхаль послѣ вакаціи—онъ былъ уже плохъ. Послѣ привязалась къ нему чахотка, и онъ, кажется, въ великій постъ—скончался. Царство ему небесное! помянутыя мною его амурства—были дѣтскія забавы, а не какія-нибудь гнусности.

Инспекторъ столь обидѣлся мною, что, кажется, не даль мнѣ ни копѣйки и на дорогу, Спасибо, мой товарищъ отдалъ мнѣ послѣдній свой двугривенный. Я побѣжалъ въ Москву въ первый день Августа, послѣ обѣдни. У меня были одни сапожонки. Они мнѣ были такъ тѣсны, что надобно было надѣвать ихъ съ трудомъ. Слѣдственно, въ нихъ итти было невозможно. Босымъ итти жестоко: я надѣлъ нитяные носки и въ нихъ пошелъ.

Въ этотъ день, безъ отдыху, я пробѣжалъ 30, иль 35 верстъ (не знаю, до Братовщины, иль до Пушкина). Пришелъ на ночлегъ, поужиналъ, легъ спать. Проснулся поутру и не могу встать на ноги. Полошвы на ногахъ вздулись и во всѣхъ членахъ ломота. Я ужаснулся своего положенія. Хозяйка меня спрашиваетъ: что я пригорюнился? Я ей сказалъ, что не могу итти. Она мнѣ продала лапти за гривенникъ. Я обулся въ нихъ, и вижу, что могу переступить понемножку. У меня осталось нѣсколько грошей мѣдью; пошелъ, перекрестясь. Спасибо, тотчасъ по выходѣ съ ночлега

меня нагнали два мужичка изъ Рязанской губерніи, разговорились со мною и, полюбивъ мои разговоры, не бросили меня до самой Москвы.

Едва я могъ дойти. Пришелъ въ Москву, къ дядѣ своему, почти полумертвый. Со мною сдѣлалось дурно. Открылась горячка, но слава Богу! ее прервали. Я скоро выздоровѣлъ. Дядя дивился моимъ странностямъ, а я и самъ не умѣлъ хорошо себя объяснить.

Остальное время вакаціи, я уже прожилъ у дяди и маленько разсѣялъ свою ипохондрію. (Пишу въ монастырѣ въ вакацію 20 іюля).

Второй учебный годъ прожить мною хуже и это главное отъ домашнихъ нашихъ обстоятельствъ. По кончинѣ дѣдушки, у котораго жила и выросла средняя моя сестра Александра, сія несчастная дѣвица лишилась всѣхъ надеждъ. Ей было уже такъ много насулено; ее уже сватали семинаристы-богословы, ей было почти обѣщано дѣдушкино мѣсто; и—со смертію дѣдушки—это все исчезло. Она уже жила въ бѣдномъ домѣ своихъ родителей. Я взялся за дѣло выдать ее замужъ. Первая встрѣча была предурная. Исключенный изъ средняго отдѣленія нашей семинаріи, мой товарищъ, Михаилъ Поспѣловъ, непрощенный присватался къ сестрѣ моей. Онъ жилъ въ Москвѣ у моего дяди. Я былъ спрошенъ: хочутъ ли выдать за него сестру? Прямо отказать я не смѣлъ, опасаясь потерять и сего. Но мнѣ этотъ человекъ жестоко не нравился. Какой-то строптивый, опрометчивый, грубый; притомъ весьма бѣдной физики: толстый, низкій, безобразный, рябой. Мнѣ было жаль сестры: она была прекрасная дѣвушка.

Съ симъ Поспѣловымъ, однако, я долженъ былъ ѣхать къ родителямъ въ Рождество. Мы были. Сестра моя помертвѣла, взглянувъ на сіе чудо. Я это замѣтилъ и рѣшился отказать отъ насъ сего Поспѣлова. Это мнѣ было не легко. Батюшка съ матушкою, смотря на свою бѣдность, рады были и сему жениху. На слезы сестры не смотрѣли. Да она и не смѣла говорить ничего. Она только поникла: надобно было догадываться. Дядюшка тоже противъ меня, говорилъ: не намъ, при такихъ малыхъ грошахъ, рыться въ женихахъ. Надобно благодарить Бога за того, котораго Богъ даетъ. Не смотря на то, я сталъ въ одномъ: отказать Поспѣлову. И—устоялъ.

Но, какъ говорю, это меня заняло столько, что я забылъ и ученіе. Въ Семинаріи стали меня подсмѣивать. Говорили: „Что за принцесса твоя сестра? сядетъ въ дѣвкахъ. Говорилъ бы спасибо и Пospѣлову, если беретъ. Ты бракуешь; нищи другого, коль сыщешь“. Такія и подобныя насмѣшки меня убивали. Притомъ я видѣлъ, что, разстроивъ сіе дѣло, мнѣ надобно было уже не губить сестры. Если она сядетъ въ самомъ дѣлѣ дѣвицею, я одинъ буду отвѣчать за нее предъ всѣми.

Помню, что къ Пасхѣ, пораньше отпуска, кажется, на пятой недѣлѣ поста, я пустился въ путь домой къ родителямъ пѣшкомъ, по жестокой распутицѣ. Шелъ по тающимъ снѣгамъ и грязи и мокъ и тонулъ не разъ. Прибылъ, наконецъ, и при свиданіи здѣсь съ Пospѣловымъ, выдержавъ всѣ его жестокія укоризны за оскорбленное самолюбіе и, кажется, отъ страсти къ сестрѣ, я удалилъ его отъ нашего дома окончательно. Невозможно выразить, какъ сестра глубоко почувствовала мое къ ней попеченіе. Она расцвѣла опять и не поопаслась, что ради сего поступка, она въ самомъ дѣлѣ могла остаться въ дѣвицахъ.

Такія развлеченія очень отклонили меня отъ ученія. Я сталъ отставать и въ урокахъ. не всегда сочинялъ задаваемые разсужденія, а ежели и писалъ, то слабо и развлеченно. Однажды профессоръ задалъ намъ задачу такъ, чтобы мы, написавъ ее въ вечеръ, иль два, приготовили къ прочтенію ея въ классѣ. Я не написалъ. Меня спросилъ профессоръ, я отказался; чрезъ день, иль два спросилъ опять, я опять отказался; спросилъ и въ третій—я сказалъ: „не приготовилъ“.—Почему?—„Не разсудилось“. Профессоръ: „Вамъ можно было на данный вопросъ написать разсужденіе утвердительно, иль отрицательно. Тутъ была бы ваша воля. А написать задачу, иль нѣтъ, тутъ ваша воля не нужна. Надобно исполнять приказаніе“. Я сейчасъ увидѣлъ, что я, точно, отвѣтилъ грубо; но отъ разсѣянности, а не отъ злого сердца.

Впрочемъ, даже не смѣлъ попросить и прощенія. Впрочемъ, какъ бы то ни было, я изъ Философіи переведенъ въ Богословіе съ честью, кажется, также вторымъ: и тутъ я видѣлъ, что мнѣ точно отдали мое.

(Продолженіе слѣдуетъ).